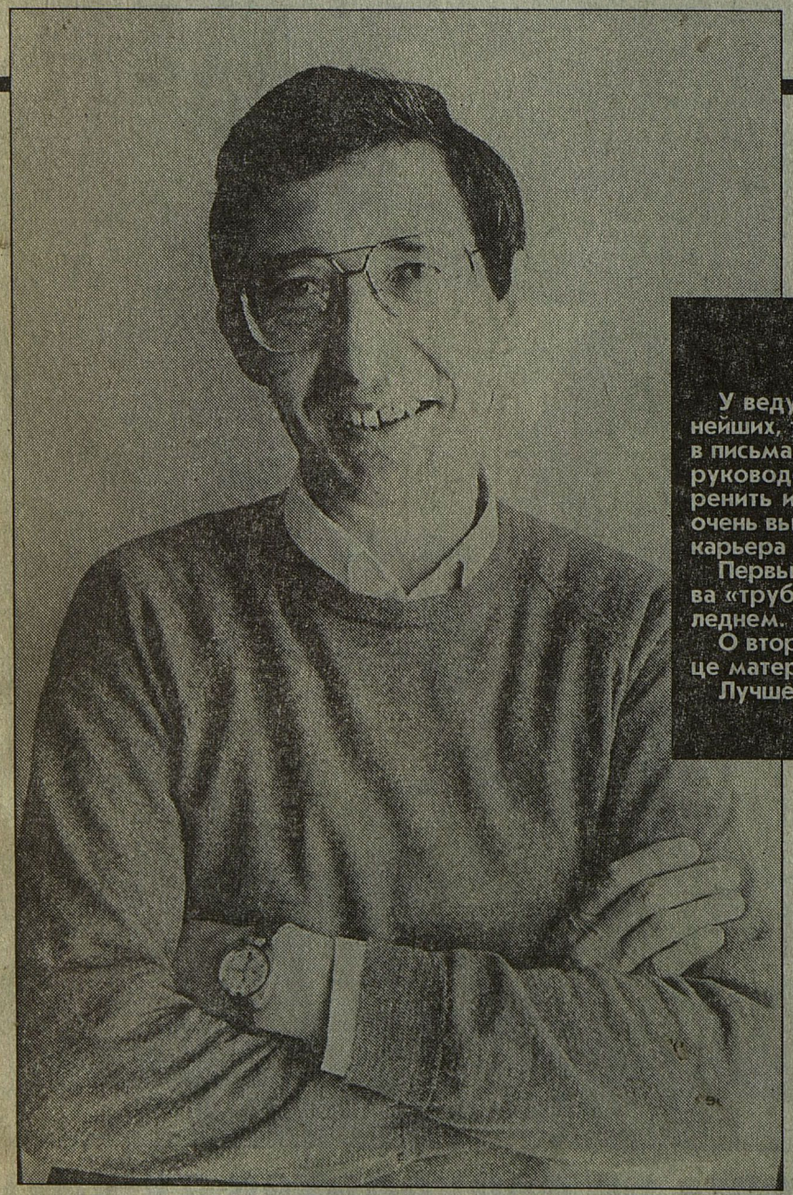
Осокин Михаил 16.12.94.

ПЕРСОНА

...ЗАВТРА? «СЕГОДНЯ». СЕЙЧАС!

Известия. — 1994. — 16 дек. — С. 10.



Григорий СИМАНОВИЧ, «Известия»

У ведущего программы «Сегодня» Михаила Осокина есть два серьезнейших, трудно искоренимых недостатка. На них неоднократно указывали в письмах возмущенные телезрители. На них обращает внимание суровое руководство НТВ. С ними упорно борется сам журналист. Но пока искоренить их не удается. И хотя рейтинги популярности Михаила Осокина очень высоки, и порой он лидирует среди всех «новостных» телеведущих, карьера его под угрозой.

Первый порок, еще хоть как-то терпимый, — частое произнесение слова «трубопровод» с ударением на предпоследнем слоге, а надо на последнем.

О втором недостатке, самом невыносимом, поговорим, пожалуй, в конце материала, чтобы слишком уж не огорчать журналиста и читателей.

Лучше — о достоинствах, странностях, склонностях и взглядах Осокина.

Представьте себе: завтра агрессивный отряд инопланетян высаживается в районе Пушкинской площади и предъявляет ультиматум человечеству, грозя сверхоружием. Я бы на месте нашего правительства поручил именно Михаилу Осокину сообщить об этом с телеэкрана. Тогда все оценили бы серьезность положения, но паники бы точно не возникло.

Есть нечто уверенно-спокойное в голосе, интонациях, манере ведущего. Нечто, исполненное достоинства и ответственности за наше психо-физическое самочувствие, за состояние нервной системы общества, и так расшатанной донельзя бесконечными стрессами — экономическими, политическими, криминальными.

— Признайтесь, Михаил, это у вас наработанный стиль?

— Никакого актерского опыта не имел со времен самодеятельного школьного спектакля. Это просто характер, это врожденное, от мамы с папой. Я хронически спокойный человек. Даже в чем-то флегматичный. Не люблю проблем ни с окружающими, ни с самим собой. Не помню, чтобы срывался на крик. Нервная взвинченность случается. Особенно когда готовишь выпуск в цейтноте. Но все держу в себе. И вообще я по натуре наблюдатель.

Осокин резонно полагает, что такие свойства характера как раз то, что нужно в его профессии. Отобрать из потока новостей наиболее существенные, проанализировать их, скомпоновать и подать в эфир адекватно — здесь излишние эмоции противопоказаны.

А в жизни?

Он производит впечатление тихого интеллигента, человека замкнутого, малообщительного, погруженного в себя.

— Так и есть. Предпочитаю тишину и уединенность. Круг друзей довольно узок, и меня это устраивает. Я сам выбрал такой образ жизни. И мне с самим собой нескучно. Пока. Не знаю, что будет дальше.

Удивительно: симпатии к Михаилу Осокину как ведущему все растут и растут. А он утверждает, что не меняется со времен останкинской программы «Время» образца 90-го года и ТСН образца 92-го.

— Я всегда старался не драматизировать ситуацию. Напротив, находить в ней по возможности даже забавную сторону.

Не здесь ли разгадка высокого рейтинга Осокина: жизнь все драматичней и непредсказуемей, люди хотят надежды и подсознательно тянутся к тому «источнику информации», который микширует накал страстей деликатной манерой сообщения.

Осокин всегда уравновешен и солиден. «Солиден» — вот точное слово. Согласитесь, важное качество и для... историка.

— Я заканчивал исторический факультет МГУ, защитил кандидатскую. В журналистику попал случайно. По свободному распределению, хорошо зная английский, предложил свои услуги на радио, в иновещание. И тринадцать лет кряду работал на американскую аудиторию, послушно убеждая ее в преимуществах и достоинствах внешней политики КПСС. К счастью, убедить американцев так и не удалось.

Зато приятелям и коллегам Михаила, таким, как будущий «взглядовец» Дмитрий Захаров и нынешний «итоговец» Евгений Киселев, удалось-таки убедить Осокина, что на телевидении ему самое место. И вслед за ними он пошел в «Останкино», где программа «Время» впервые явила его телевизионной аудитории. Потом были программы «Утро», ТСН. И вот уже больше года НТВ, «Сегодня». Привычный имидж: спокоен, строг, классический пиджак, галстук...

А в жизни?

— Ненавижу пиджаки, терпеть не могу галстуки. Надеваю все это за пять минут до эфира и тотчас после него снимаю. Моя одежда — свитер, джинсы, рубашка с расстегнутым воротом.

Он из семьи телевизионщиков. Но уверяет, что работа родителей, давно с телевидения ушедших, никак не повлияла на его решение. Просто так совпало...

— Вы думаете о карьере, Михаил? Ожидать ли вашей собственной авторской программы? Или начальником станете? Или за рубеж собкором?

— Я человек не только замкнутый, но и пассивный. Если есть занятие по душе — готов отдаваться ему изо дня в день годами. Чего суетиться-то! Новости, что ложатся мне на стол, — вот это мне интересно. Это мое удовольствие.

А в жизни?

Осокин и в компании разговорчив по-особому. Байки, общий треп — не его стихия. Он и здесь привержен информации. Любит рассказать друзьям о том конкретном, любопытном, что узнал из сообщений агентств. Единственное исключение — анекдоты. К ним Михаил питает слабость. Скучает по новым («маловато стало в последнее время»).

А вот еще одна милая странность Осокина: он не смотрит телевизор. Или почти не смотрит.

— Только новостные программы и иногда фильмы. Я не очень люблю телевизор. Предпочитаю газеты. Читаю их утилитарно, с прицелом на работу: что можно использовать, что пригодится... Если фильмы, то комедии, нестрашные приключения и, конечно, Большое кино. А книги — в соответствии с моим образованием — исторические.

И снова — к профессии.

— Вы стараетесь почти не комментировать, по-дикторски отстраняясь от информации. Это укрепляет ощущение объективности программы. Такой стиль принят и ценится на Западе. Его оценили и у нас. Но в чем тогда предмет вашего творчества, ваша творческая свобода?

— В выборе информации из потока. В возможности подать ее, как бы столкнув мнения и позиции. Полемика, драматизм, курьез — все это может прозвучать не в лоб, а полифонично, в едва изменившейся интонации...

Комментировать не комментируя — это, по-моему, высший пилотаж, которым владеет Михаил Осокин.

А теперь вспомним обещание, данное в начале этого очерка, и не умолчим о самом вопиющем профессиональном огрехе нашего любимого комментатора: он плохо произносит слово «скептически». Недавно в одном из выпусков сделал четыре попытки. Это звучало примерно так: «...и власти оценивают положение скептицически... скепцитески... скептитестически... скеп...» Тут Осокин сдался и с достоинством сообщил публике, что произнести это выше его сил. И нашел какое-то иносказание.

Не знаю, как сложится дальнейшая судьба Осокина на НТВ в связи с такой проблемой, но когда мы прощались и я выходил из останкинского кабинета, вид у Михаила стал весьма озабоченным. Еще бы: основные новости того дня, когда мы встретились, побуждали оценивать будущее действительно скептически. И Осокин, видно, тотчас переключился на мучительный поиск подходящего синонима.

Фото Сергея ИВАНОВА.